РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК Институт восточных рукописей (Азиатский Музей)

Санкт-Петербургский журнал монголоведных исследований

MONGOLICA

Tom XXII, 2019, № 1

Выходит 2 раза в год Издается с 1986 г.

Учредитель: Федеральное государственное учреждение науки «Институт восточных рукописей РАН»

Посвящается 120-летию со дня рождения монголоведа Л. С. Пучковского

191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18 Тел.: (812) 315-87-28 orientalstudies.ru mongolica@orientalstudies.ru

Редакционная коллегия:

И. В. Кульганек, главный редактор, доктор филологических наук (Россия)

Д. А. Носов, секретарь, кандидат филологических наук (Россия)

Г. Билгуудэй, доктор филологических наук (Монголия)

А. Бирталан, доктор наук (Венгрия)

Ж. Легран, доктор наук, профессор (Франция)

В. Капишовска, доктор наук (Чешская Республика) С. Л. Невелева, доктор филологических наук (Россия)

К. В. Орлова, доктор исторических наук (Россия)

М. П. Петрова, кандидат филологических наук (Россия) Р. Поп, доктор наук (Румыния)

Л. Г. Скородумова, доктор филологических наук (Россия)

Т. Д. Скрынникова, доктор исторических наук, профессор (Россия)

С. Чулуун, доктор исторических наук, профессор (Монголия)

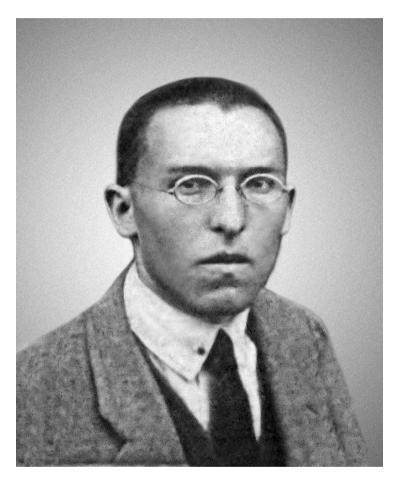
Н. Хишигт, кандидат исторических наук (Монголия)

Н. С. Яхонтова, кандидат филологических наук (Россия)

Оригинал-макет изготовлен издательством «Петербургское Востоковедение» Литературный редактор и корректор — Т. Г. Бугакова Технический редактор — Г. В. Тихомирова

 № 198152, Россия, Санкт-Петербург, а/я № 2 e-mail: pvcentre@mail.ru; web-site: http://www.pvost.org

Формат 60х90 1/8. Объем 13 $^1/_4$ печ. л. Заказ № Отпечатано в типографии ООО «Свое издательство» Санкт-Петербург, 4-я линия В. О., д. 5 e-mail: editor@isvoe.ru

Леонид Сергеевич Пучковский (1899—1970)

Леонид Сергеевич Пучковский — жизненный путь и научное наследие

DOI 10.25882/mvh5-vz65; © Н. С. Яхонтова, И. В. Кульганек, А. В. Зорин, Д. А. Носов, 2019

Леонид Сергеевич Пучковский, видный ленинградский ученый-монголовед, оставил значительное научное наследие в области исследования рукописей монгольских народов. Являясь автором двух монографий, более чем 50 научных статей, он внес большой вклад в научное описание монгольских и бурятских рукописей, хранящихся в Институте востоковедения АН СССР/ИВР РАН. Связав всю свою жизнь с Институтом, он выполнял труднейшую задачу по выработке принципов научной систематизации, каталогизации и описания рукописей. Он стоял у истоков современного монголоведного изучения рукописного дела, которое было продолжено Д. Карой, А. Г. Сазыкиным, В. Л. Успенским, З. К. Касьяненко, а в настоящее время успешно развивается благодаря работающим в ИВР РАН монголоведам — Н. С. Яхонтовой, Н. В. Ямпольской, Д. А. Носову, А. А. Сизовой, А. А. Туранской.

Л. С. Пучковский родился 9 ноября (по новому стилю) 1899 г. в г. Юрьеве Лифляндской губернии (ныне г. Тарту, Эстония) в семье приват-доцента (впоследствии профессора) Юрьевского ветеринарного института Сергея Ефимовича Пучковского и домохозяйки.

В мае 1918 г. он окончил Пятую Варшавскую мужскую гимназию, которая в тот момент находилась в эвакуации в Чернигове, после чего поступил в Черниговский учительский институт. Однако с семьей отца (профессора Донского ветеринарного института) был вынужден переехать в Новочеркасск, где начинал учиться в трех различных ВУЗах, но ни один из них не закончил: первые два — по причине тяжелой болезни (тиф), третий — по причине переезда с семьей отца в Воронеж. Одновременно с учебой на правовом отделении факультета общественных наук Воронежского государственного университета Леонид Сергеевич работал в Воронежском губернском совете народных судей, далее — в Особой сессии по важнейшим делам, а затем — в Воронежском губернском суде.

Отец будущего исследователя занимал руководящие должности (1923 г. — декан медицинского факультета, затем — проректор, а с 1924 г. — ректор Воронежского государственного университета), и осенью 1923 г. Л. С. Пучковский перевелся в Ленин-

градский государственный университет, где в 1925 г. окончил правовое отделение факультета общественных наук. В том же году двадцатишестилетний выпускник поступил в Ленинградский институт живых восточных языков на китайский разряд ¹, где проучился два года, посещая, наряду с обязательными занятиями, лекции проф. Б. Я. Владимирцова, проф. Г. Е. Грум-Гржимайло и других преподавателей монгольского разряда Института ².

В 1927 г. во время летних каникул Л. С. Пучковский отправился в Бурят-Монгольскую АССР для изучения разговорных бурятского и монгольского языков. Республиканский Наркомпрос предложил ему должность преподавателя русского языка, и в сентябре Л. С. Пучковский отправил ходатайство в Правление ЛИЖВЯ с просьбой предоставить ему годичный отпуск для работы по предложению Бурнаркомпроса и изучения монгольского языка как дополнительного. Ходатайство было удовлетворено и отпуск предоставлен «в виде исключения, принимая во внимание академическую активность студ. Л. Пучковского» ³. Таким образом, с октября 1927 по июнь 1928 г. Л. С. Пучковский работал в школе второй ступени Троицкосавска (Кяхты). Проживая в бурятской семье Цыдыповых, он совершенствовал разговорный бурятский и параллельно изучал письменный монгольский язык «на курсах по ликвидации бурят-монгольской неграмотности, организованных местным Политпросветом» ⁴. Не имея возможности изучать живую монгольскую речь в Кяхте, студент попросил руководство ЛВИ продлить ему командировку еще на один год для посещения самой Монголии. Правление Института весной 1928 г. продлило отпуск Л. С. Пучковского до осени 1929 г., и будущий исследователь отправился в Монголию, где стал изучать разговорный язык, зарабатывая на жизнь преподаванием английского языка и обществоведения в школе-семилетке для детей советских граждан.

¹ Л. С. Пучковский учился в одной группе с будущим монгольским академиком Бимбаин Ринчэном.

² ЦГА СПбФ. Р-7222. Оп. 30. Д. 2114. Л. 2, 2 об., 11, 11 об., 12, 12 об.

³ ЦГА СПбФ. Р-6951. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 48.

⁴ ЦГА СПбФ. Р-7222. Оп. 30. Ед. хр. 2114. Л. 41.

В апреле 1929 г. в ЛВИ поступила телеграмма из Комитета наук (Учкома) МНР за подписью Ц. Ж. Жамцарано, бывшего в то время товарищем министра народного образования МНР и одновременно зампредседателя Учкома, с просьбой продлить отпуск студента Пучковского еще на год ⁵. Ему выпала уникальная возможность поехать в отдаленный район Гурбан Сайхан Южно-Гобийского аймака для работы в качестве наблюдателя на впервые установленной метеорологической станции Байшинту, где он вел с июня 1929 по июль 1930 г. наблюдения за погодой, за продолжительностью солнечного сияния, за облаками. В его распоряжении были также барограф, гелиограф и термограф. Ленты с их показаниями и книги с записями своих наблюдений он по возвращении в Ленинград сдал Монгольской комиссии для обработки в Главной геофизической обсерватории, после чего их предполагалось передать в Комитет наук МНР ⁶. При этом Л. С. Пучковский находил время и для монголоведных исследований. Непосредственно общаясь с местным населением, он записал образцы местного фольклора, сделал ряд лингвистических записей, а также собрал небольшие коллекции археологического и этнографического характера. Все эти материалы под названием «Образцы фольклора Монгольской Народной Республики» были переданы в Комитет наук МНР. Общий объем их составил десять авторских листов. В настоящее время из всех материалов опубликован лишь перевод сказки «Мэргэн Туулай» («Мудрый заяц»), выполненный Л. С. Пучковским (1938) . Вернувшись осенью того же года в Ленинград, он, по совету Н. Н. Поппе, перевелся в Ленинградский государственный историко-лингвистический институт (ЛГИЛИ). Занимаясь монгольским языком у акад. Б. Я. Владимирцова, молодой исследователь особенно интересовался различными видами монгольской письменности (уйгурско-монгольской, так называемой «квадратной», и др.), а также монгольскими рукописями исторического содержания. Производственную практику он проходил в Рукописном отделе Института востоковедения АН СССР под руководством акад. Б. Я. Владимирцова.

В 1932 г. Л. С. Пучковский окончил ЛГИЛИ и уже с 1 января 1932 г. был принят на должность научного сотрудника II разряда в Монгольский кабинет Института востоковедения АН СССР, заведовать которым после смерти Б. Я. Владимирцова стал Н. Н. Поппе. Новый молодой сотрудник сразу стал исполнять обязанности секретаря кабинета, вести научно-вспомогательную работу, кроме того, его подключили к выполнению трех коллективных тем, одной из них был «Монгольско-русский словарь», го-

⁵ ЦГА СПбФ. Р-7222. Оп. 30. Ед. xp. 2114. Л. 48

товившийся совместно с Коммунистическим университетом трудящихся Востока (Москва). В кабинете исполнителями ее (кроме Л. С. Пучковского) были Н. Н. Поппе, В. А. Казакевич и Б. Б. Жигмидон. Еще одна большая коллективная тема, которую разрабатывали и в других кабинетах, была «Октябрь и Восток», в Монгольском кабинете она звучала как «Влияние Октября на Монголию». Одну из ее двух частей (Национально-освободительное движение) выполняли Н. Н. Поппе и Б. Б. Жигмидон. Третья тема, «Отражение гражданской войны в Монголии в беллетристике», также стояла в плане кабинета на 1933 г. Ее выполняли сотрудники кабинета совместно с аспирантами (К. Н. Артемов, Б. Б. Жигмидон, П. П. Уливанов). Две первые темы были выполнены полностью, последняя — частично ⁸.

Научно-вспомогательная, т. е. библиографическая работа Л. С. Пучковского заключалась в составлении библиографии всех статей двух монгольских журналов, комплекты которых за несколько лет хранились в кабинете. Результатом этой сферы деятельности Л. С. Пучковского стала его первая статья — «Содержание журналов "Хозяйство Монголии" и "Путь к социализму"» (1 п. л.), опубликованная в 1934 г. Помимо этого он занимался обработкой каталога имевшихся в Кабинете европейских книг по монголоведению (400 карточек), им были сделаны для работы Ц. Ж. Жамцарано перевод статьи Хэниша о Санан-Сэцэне и перевод с немецкого языка статьи «Юань-чао-би ши» по описанию рукописей ¹⁰, были переписаны две рукописи для литературной хрестоматии. Одновременно он выполнял задания по Рукописному отделу. В его отчете это следующие пункты: «а) Произведена шифровка рукописн[ого] фонда — 223 рукописи. Влито в каталог 223 карточки. б) Произведена шифровка фонда документов 313 шт[ук], влито в каталог 313 карточек. в) Произведено выделение (подыскание основных экземпляров дублетов) дублетного фонда — 61 дублет = 106 экземпляров. Разнесено на карточки 106 экз[емпляров]». Еще четыре пункта касались технической работы в Рукописном отделе: «г) Произведена расстановка после дезинфекции рукописного фонда с приведением в порядок (обтирание пыли, укладка листов и т. п.). д) Произведено перемещение рукописного фонда в другое помещение с полной установкой на месте» 11. Также он выдавал рукописи аспирантам и сотрудникам кабинета.

10 ноября 1932 г. Н. Н. Поппе обращается в дирекцию ИВ с просьбой выделить Монгольскому кабинету одну ставку сотрудника I разряда для Л. С. Пуч-

¹¹ СПбФ АРАН. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 273. Л. 34.

⁶ СПбФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1 (1933). Ед. хр. 10. Л. 25, 26, 33

⁷ См.: Сказки народов Востока / отв. ред. А. К. Боровков. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. С. 12–13.

⁸ СПбФ АРАН, Ф. 152, оп. 1а, ед.хр. 273, л. 5.

⁹ Обзор журнала «Хозяйство Монголии» за 1923– 1930 гг. // Библиография Востока. 1934. № 4.

¹⁰ В апреле 1932 г. Ц. Ж. Жамцарано, который был вынужден уехать из Монголии, был принят на работу в ИВ АН СССР, где начал заниматься описанием монгольских исторических рукописей XVII в.

ковского, «который зарекомендовал себя в достаточной мере своим участием в составлении словаря и коллективной статьи для сборника "Октябрь и Восток". Кроме того, им успешно описываются рукописи Монгольского фонда» ¹². Однако повышения не последовало, и в 1933 г. Л. С. Пучковского привлекают к новой коллективной теме кабинета — составлению Бурятского диалектологического словаря, исполнителями были Н. Н. Поппе и его аспиранты из Бурят-Монгольской АССР (А. М. Хамгашалов, Л. Ч. Гомбоин и Т. А. Бертагаев). Также продолжается работа над литературной хрестоматией (коллектив авторов -Н. Н. Поппе, В. Л. Казакевич, Ц. Ж. Жамцарано и аспирант из Монголии Б. Содном) 13 . На долю Л. С. Пучковского приходится 2 п. л. и еще 0,5 п. л. в качестве ударного обязательства. Он продолжает заниматься знакомой ему ранее научно-вспомогательной работой в рукописном фонде («шифровка и каталогизация рукописей, работа по выделению дублетного фонда»). В его обязанности также входило «обслуживание литературой» сотрудников и аспирантов 1 В 1932/33 учебном году по поручению (т. е. с оплатой) Комитета по подготовке кадров АН СССР Л. С. Пучковский занимается русским языком с монголом Б. Содномом — аспирантом Н. Н. Поппе.

В 1934 г. в Рукописный отдел Института был назначен новый заведующий, проведена реорганизация отдела и разработан новый план с целью ускорения описания рукописных фондов, создания их каталогов, т. е. решения давно назревших задач. Эти изменения коснулись и Л. С. Пучковского. С 1 января 1934 г. он был переведен в штат отдела. Надо сказать, что его собирались привлечь к описанию Монгольского фонда годом ранее: в плане работы Рукописного отдела его фамилия вписана карандашом со знаком вопроса ¹⁵. Однако в 1933 г. Л. С. Пучковский все еще занимался обработкой Монгольского фонда, не будучи его штатным сотрудником и не имея «нормы выработки» (так делали и некоторые сотрудники из других кабинетов). Вполне вероятно, что свою роль в переводе Л. С. Пучковского в штат Института сыграла положительная характеристика Н. Н. Поппе, данная ему в конце 1932 г. Наконец, монгольский фонд, который тогда насчитывал около 2500 названий, дождался научной обработки — до этого монголиста среди сотрудников отдела не было.

Новые порядки в Рукописном отделе предполагали изменение планов (и отчетов) для сотрудников с

 12 СПбФ АРАН. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 273. Л. 65.

указанием точных дат и количества обработанных единиц, написанных карточек и прочих работ; надо было также отчитаться и о повышении квалификации. Каждому сотруднику давалась характеристика. Н. Н. Поппе написал о Л. С. Пучковском следующее: «Точный и аккуратный работник. Произвел детальную проверку Монгольского фонда с выявлением лакун со дня организации фонда. Хорошо пишет карточки и инвентаризирует» ¹⁶. Отчет о работе за 1934 г. Л. С. Пучковского включал 12 пунктов, среди которых была не только умственная, но и чисто техническая работа. Чтобы понять, чем занимался Л. С. Пучковский, приводим этот отчет (без указания сроков выполнения) ¹⁷:

«1) Обработка рукописных материалов Ц. Ж. Жамцарано — подбор разрозненных материалов по годам и страницам, нумерация, организация переплетных работ. — Переплетено 13 томов, 4514 страниц.

То же по материалам Шангаева и друг[их]. — [Переплетено] 7 тетрадей, 300 стр[аниц].

Консультации новому сотрудн[ику] Монг[ольского] каб[инета] ¹⁸ и ввод его в работу.

- 2) Работа по новым поступлениям. Разбор коллекции [А. И.] Вострикова, [В. А.] Казакевича, Санданова и др. Подбор разрозненных материалов. Инвентаризация и шифровка 188 ед. Написано карточек основных 188 ед., дублетных 36 ед.
 - 3) Работа по старым фондам.
 - Описание рукописей 156 ед., 312 карточек ¹⁹.
- Проверка всего фонда и установление лакун. Сведения на 12 листах.
- 5) Оформление поступлений. (Нарезка картонных обложек, заделывание в них материалов и т. п.) 188 ед.
- 6) Работы по обмену (проверка материалов обмена, составление актов) 9 ед.
- 7) Различные работы по новому размещению Рукоп[исного] отдела (участие в работах по другим фондам).
- 8) Разделение монг[ольского] фонда на рукописный и ксилографический. Новое их размещение. Около 3000 ед.
- 9) Разбор фонда китай[ских] поступл[ений] (совместно с т[оварищем] Флугом).
 - 10) Оформление маньчжурского фонда.
- 11) Консультации, выдача и прием монг[ольских] материалов.
 - 12) Участие в конференциях.

¹³ Эта хрестоматия была опубликована в 1938 г. — «Образцы монгольской феодальной художественной литературы» / подготовили к печати Содном Балдан, Н. Н. Поппе, Л. С. Пучковский; под общей ред. и со вступит. ст. Н. Н. Поппе. М.; Л., 1938. В. А. Казакевич и Ц. Ж. Жамцарано, репрессированные в 1937 г., среди авторов издания не указаны.

¹⁴ СПбФ АРАН. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 316. Л. 9–11, 20; СПбФ АРАН. Ф. 222. Оп. 4. Ед. хр. 12. Л. 203.

¹⁵ СПбФ АРАН. Ф. 152. Оп. 1а̂. Ед. хр. 323. Л. 14.

¹⁶ СПбФ АРАН. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 375. Л. 7.

¹⁷ Здесь и далее при цитировании сохраняется орфография и пунктуация источника.

¹⁸ Новый сотрудник — это Т. А. Бурдукова, принятая на работу в Монгольский кабинет ИВ АН СССР 15 января 1934 г.

¹⁹ В 1933 г. на совещании, в котором принимали участие сотрудники Рукописного отдела и ведущие ученые института, была принята единая форма карточек для описания. Карточек предполагалось делать две: «А» и «Б». Первая содержала полную информацию, вторая — краткую.

13) Краткая опись дублетного фонда. Монг[ольский] текст, перевод, библиография. — Подготовка к печати (86 единиц)» ²⁰.

В 1935 г. всесоюзное движение ударников добралось и до ИВ АН. В делах Рукописного отдела за этот год есть любопытный бланк²¹, озаглавленный «Ударное обязательство (плановое)», его должен был заполнить каждый сотрудник. В своем личном обязательстве Л. С. Пучковский указал: «Описание рукописей — 10 ежемесячно и Перевод документов (30 документов)». Внизу бланка предполагалось отчитаться о выполнении. В бланке Л. С. Пучковского написано: «Сверх того: а) Материалы для сборника художественной литературы — 2 п. л. б) Записи фольклора (у монгола сказочника) 22 — 1 п. л.». И заключение: «Выполнены еще две работы сверх указанных обязательств» ²³. Описание Монгольского фонда постепенно продвигалось, его ход отражен в отчете Рукописного фонда: было описано 397 единиц, инвентаризировано 239. Кроме того, упомянуты 80 монгольских эстампажей, разборка коллекции Ц. Ж. Жамцарано (220 ед.), оформление маньчжурского фонда (250 ед.) и выделение ксилографов ²⁴. Судя по всему, побочные работы отвлекали его в этом году в меньшей степени, а научные позволяли успешно выполнить пункт отчета «Повышение квалификации».

В 1935 г. С. Л. Пучковский (заключив договор с дирекцией института) участвовал в совместной работе по подготовке «Монгольско-русского словаря» для Государственного словарно-энциклопедического издательства. Такие же договоры были заключены с С. Д. Дылыковым, Н. Г. Румянцевым и К. М. Черемисовым, между ними были распределены все буквы монгольского алфавита. За основу был взят словарь К. Ф. Голстунского, который надо было расписать на карточки, что требовало времени и сил. Но подготовка словаря была политически важным делом 25. Руководитель Монгольского кабинета Н. Н. Поппе явно был в курсе того, как идет описание рукописей, и, обеспокоенный темпами, обращается в дирекцию с предложением привлечь на договорных началах С. А. Козина к обработке в Фонде новых поступлений от Дылыкова, Жермидона, Задага Санданова, чтобы Л. С. Пучковский не отвлекался от основной задачи 26. С. А. Козин до этого уже работал в Институте (в архиве по договору), кроме того, его положение в ЛВИ, где он в тот момент преподавал, было очень неустойчивым, и таким образом Н. Н. Поппе «убивал двух зайцев». Однако договор заключен не был.

²⁰ СПбФ АРАН. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 375. Л. 7.

^{26°}СПбФ АРАН. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 419. Л. 162.

Тем временем Л. С. Пучковский продолжал свою кропотливую работу по описанию Монгольского фонда, формально являясь при этом сотрудником Рукописного отдела. Он не прерывал связь с Монгольским кабинетом, бывал на его заседаниях, принимал участие в обсуждении работ сотрудников кабинета, участвовал в коллективных темах. В плане работ кабинета на 1936 г. была указана его тема «Подготовка к печати и перевод халхаского фольклора» (2 п. л.).

Однако главным событием в научной жизни Л. С. Пучковского этого периода можно считать его отчет на заседании Монгольского кабинета, растянувшемся на два дня (29 мая и 1 июня 1936 г.). Выступая на этом заседании последним (сначала отчитались все сотрудники кабинета), Л. С. Пучковский представил выполненную им работу таким образом:

«а) Работа по Рукописному отделению заключалась в составлении рабочего каталога. Тип карточек был выполнен по указанию Н. Н. Поппе. За это время обработаны коллекции, входившие в каталог Зыре 27 (так! — *H. Я.*), треть коллекции Казанской духовной академии и Ц. Ж. Жамцарано. На карточке указывается краткое заглавие, под которым данное сочинение известно, затем полное название, имеющееся в начале рукописи или ксилографа или в колофоне. Указывается, по возможности, дата и автор, количество листов и размер. Никакого конкорданса не делается. Отсутствие технических работников осложняет работу, приходится самому доставать рукописи из шкафов. Написано 1452 карточки (в среднем 13 карточек в день). Новые поступления Жигмидона, Задага Санданова, Дылыкова занесены на карточки, но снабжение их папками задерживается».

О своей работе по монгольскому фольклору и работе над корректурой «Сборника монгольской художественной литературы» С. Л. Пучковский сказал: «Занимался монгольским фольклором. Закончил транскрибирование и разбор тех записей, которые были сделаны в Монголии в Байшинту. ...Кроме того, продолжались занятия с монголом, от которого записаны 10 сказок (96 страниц тетради). Перевод их еще не сделан».

Последним пунктом отчета была работа над документами из Внутренней Монголии, которую он только предполагал начать. Речь шла о подготовке к изданию 20 писем Г. Гомбоеву: транскрипции и переводе. По поводу целесообразности подготовки к публикации этих писем Л. С. Пучковский хотел услышать мнение своих коллег. Особенно волновало его написание исследования, «ввиду того, что теперь текст и перевод без исследования Институт не печатает». Б. И. Панкратов и В. А. Казакевич к предло-

²¹ Чем-то напоминает более позднюю планкарту.

²² В плане работ Монгольского кабинета на 1936 г. указана эта тема [СПбФ АРАН. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 419].

²³ СПбФ АРАН. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 425. Л. 19.

²⁴ СПбФ АРАН. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 425. Л. 1.

²⁵ СПбФ АРАН. Ф. 152. Оп. 3а. Ед. хр. 26. Перипетии издания этого словаря зафиксированы в протоколе заседания Монгольского кабинета [СПбФ АРАН. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 419. Л. 55–59].

²⁷ Правильно: «Каталог Зере». — Так часто называют «Список монгольским и калмыцким книгам и рукописям в АМ АН по хронологическому поступлению их в состав библиотеки Азиатского Музея», датируемый мартом 1891 г. Его составитель, Зире Е. Ф. (1866–1930), монголовед, в течение одного года работал хранителем в АМ.

жению Л. С. Пучковского отнеслись скептически, ссылаясь на малую ценность писем как исторических документов. Последний сказал: «Исследование должно касаться определенного отрезка времени, определенных исторических лиц, сношений культурных и торговых, документы же только в некоторой части должны цитироваться». Единственно возможный вариант, по их мнению, — использовать их в учебном пособии. Н. Н. Поппе предложил дать подробное описание всех документов, имеющихся в ИВ, а для публикации полностью выбрать несколько документов.

В заключение своего выступления Л. С. Пучковский упомянул о работе над диссертацией ²⁸, на написание которой дирекция предоставляла ему 2 часа в день. Он заявил, что в процессе работы над документами из Внутренней Монголии понял, что «прежде чем приступить к написанию исследования, необходимо детальное исследование материалов», поэтому он должен отказаться от работы над диссертацией и использовать это время для исследования внутреннемонгольских документов.

Оценка работы Л. С. Пучковского по Рукописному отделу была признана удовлетворительной. Ему предложили закончить составление рабочего каталога к 1 декабря 1936 г., фольклорные записи (перевод и введение) — к 1 августа. Ученый должен был также обдумать возможные варианты публикации документов из Внутренней Монголии и снова представить на обсуждение эту тему. Что касается работы над диссертацией, то она могла быть утверждена только после представления Кабинету подробного плана ²⁹.

Упоминание работы над диссертацией встречается и в годовом отчете Л. С. Пучковского, но там о ней сказано довольно туманно: «Историческое сочинение. Предварительное ознакомление с текстом и другими монгольскими материалами. Чтение литературы на русском и западноевроп[ейских] языках». Ясно, что он уже планировал заняться диссертацией, но к окончательному решению еще не пришел. В этом же отчете дается число карточек нового карточного каталога на конец года — 2.132, а в пункте «Консультации, справки и т. п.» есть одна любопытная деталь — «Консультации и руководство по составлению каталога т. Боржоновой» 30. Оюн Билик Боржонова — жена Мэргэн-гун Гомбожаба, который в это время учился в аспирантуре ИВ АН у Н. Н. Поппе. Консультации по составлению каталога объяснены в очередном заявлении Н. Н. Поппе директору ИВ от 4 января 1937 г., где он, ссылаясь на важность составления каталога Монгольского фонда, предлагает «привлечение на договорных началах монгольской научной работницы Оюн Билик Боржоновой... Все

³⁰ Там же. Ед. хр. 477. Л. 16.

последние месяцы она проходила безвозмездную стажировку в рук[описном] отд[еле]. А теперь я считал бы необходимым заключить с ней договор, в чем мы кровно заинтересованы» ³¹. Договор заключен не был, возможно, из-за начавшихся арестов.

Запланированное завершение работы над каталогом к концу 1936 г. и даже к концу 1937 г. по разным причинам, перечисленным Л. С. Пучковским в отчете за 1937 г., не состоялось. Среди причин — правка корректур (30 п. л.) по поручению Монгольского кабинета, необходимость описать 200 единиц, поступивших из Тибетского фонда, отпуск по болезни (1 месяц), привлечение литературы (свыше 40 названий) о сочинениях в качестве вспомогательного материала, необходимость чтения некоторых текстов целиком (в случае отсутствия названия), в результате чего были выявлены неизвестные Б. Я. Владимирцову вариант «Рассказов из "Панчатантры"», глава «Гэсэр-хана», выписки из летописи «Алтан-товч»; невозможность получить консультации по буддийским сочинениям. Надо сказать, что в сводной таблице Рукописного отдела (1937), показывающей состояние работы над описанием фондов, ситуация выглядела вполне оптимистично — Л. С. Пучковский заканчивает картотеку Монгольского фонда и приступает к составлению краткого каталога 32

В мае 1937 г. на заседании Монгольского кабинета снова был заслушан отчет Л. С. Пучковского о ходе работы над кратким каталогом Монгольского рукописного фонда. Однако в протоколе текста отчета нет, есть только постановление: «Составление краткого каталога монгольского рукописного ксилографического фонда ИВ жизненно необходимо. Нужно, чтобы этот каталог был напечатан. В каталоге дать следующие сведения: название сочинения, автор, переводчик, место издания (для ксилографов), дата, шифр, коллекционный шифр, краткое содержание. Сочинения, содержание которых раскрывается заглавием, аннотацией не снабжают. Необходимо указать на дефекты рукописи. Заглавие воспроизводится полностью по титульному листу, параллельно с монгольским тибетские, санскритские, маньчжурские и китайские заглавия, если они имеются на титульном листе, необходимо воспроизвести в каталоге» 33. Если сравнить эти требования к описанию с параметрами, озвученными год назад, то заметно, что они значительно увеличились, и поэтому неудивительно, что работа опять не была представлена в готовом виде.

Из-за репрессий предыдущего года, коснувшихся большого количества сотрудников Института, в 1938 г. были пересмотрены все планы, более того, по указанию сверху необходимо было составить планы работы на пятилетний период. В пятилетнем плане Монгольского кабинета составление каталога не

²⁸ Из текста протокола неясно, над какой диссертационной темой планировал работать Л. С. Пучковский — над письмами Г. Гомбоева или над какой-то другой темой.

²⁹ СПбФ АРАН. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 472. Л. 48–50.

³¹ Там же. Ед.хр. 531. Л. 37.

³² Там же. Ед. хр. 539. Л. 1.

³³ Там же. Ед. хр. 532. Л. 20.

упоминается. Тем не менее 22 июня на очередном заседании Л. С. Пучковский представил доклад «О каталоге монгольских рукописей и ксилографов», сообщив в нем о проведенной сверх требований проекта дополнительной работе (указание автора, заглавия, даты перевода, шифры). «В первую очередь это касается данных о литературе. Пришлось сделать пометки, что о той или иной литературе имеются указания в соответствующих источниках. Все тибетские названия проверены. Я пользовался каталогом Данджура и Ганджура. Кроме того, мной давались ссылки на другие каталоги (Казанский университет). Размеры каталога увеличились против намеченных. Так, иногда в отношении исторических рукописей мною давались описания (Санан-Сэцэн) по главам. В ряде произведений, не имеющих заглавия, пришлось давать начало рукописи. Годы проверены по таблицам для перевода годов правления китайских императоров на европейскую хронологию (летоисчисление)».

Сотрудники обсуждали принцип расположения материала в каталоге: тематический или по коллекциям. Было признано правильным расположение по коллекциям, поскольку имелась большая заинтересованность в выпуске первой части, описывающей 10 коллекций. Тематические индексы сочли необходимым давать дважды: в конце каждого выпуска и общий — в конце каталога. Постановили также при транскрипции тибетских имен придерживаться тибетского написания ³⁴.

В Рукописном отделе Л. С. Пучковский подготовил «План работ по Монгольскому фонду на 1938-1942 гг.». На 1938 г. было запланировано «составление краткого печатного каталога (2000 соч[инений]) и индекса к нему. Инвентаризация, шифровка и написание карточек для карточного каталога. Подготовка к печати и перевод историч[еского] сочинения по истории Монголии (F 158). 1939 — Наvчное описание 6 коллекций Жамцарано (220 сочин[ений]. Работа над новыми поступлениями. 1940 -Havuhoe описание I части коллекции Mong. Nova (250 сочин[ений]). Новые поступления. 1941 — Научное описание II части коллекции Mong. Nova (250 сочин[ений]). 1942 — Окончание научн[ого] описания коллекции Mong. Nova (50 сочин[ений]). Описание коллекции Бурдукова (30 сочин[ений]). Описание 5 коллекций Владимирцова (130 сочин[ений])» ³⁵. Комментировать этот план излишне. Можно только отметить, что Л. С. Пучковский от составления рабочего каталога планировал перейти к составлению научного каталога, что он смог сделать для исторических рукописей только после войны.

В 1938 г. Л. С. Пучковский наконец представил на обсуждение тезисы своей предполагаемой диссертации «Биография Нэйджи-Тойна, как источник для истории духовного феодализма в Монголии». Ее об-

³⁵ Там же. Ед. хр. 603. Л. 53.

суждали в Монгольском кабинете 8 июня 1938 г., делая особый упор на необходимость показать реакционную роль ламства. Тему сочли актуальной и своевременной, поскольку «она способствует выяснению генезиса духовного феодализма Монголии и показывает исторические корни ламаизма, с которым в настоящее время ведется успешная борьба в МНР» ³⁶.

В 1939 г. каталог так и не был сдан в печать, зато Л. С. Пучковский сделал три доклада. Два из них на одну тему (фактически это был один и тот же доклад), но в разных местах: 20 февраля — на заседании Монгольского кабинета («К изучению фондов монгольских рукописей и ксилографов») и 4–5 марта — на заседании Рукописного отдела (о системе описания рукописей Монгольского фонда). На обоих заседаниях в результате обсуждения доклад был рекомендован к публикации в ближайшем номере «Советского Востоковедения» ³⁷.

Вот выдержка из протокола заседания отдела рукописей:

«Слушали: сообщение Пучковского о системе описания рукописей Монгольского фонда, являющееся результатом работ докладчика в этой области и знакомства с описаниями подобного рода, вышедшими в свет, в частности, данными Лигети, Ученого комитета МНР и пр.

В результате обмена мнениями была принята резолюция:

Рукописный отдел ИВ АН, заслушав доклад т. Пучковского об описании монгольских рукописей и ксилографов, считает эту работу своевременной и приемлемой к печати не в качестве рецензии на работу Лигети (Статья Louis Ligeti. La collection mongole Schilling von Canstadt à la bibliothèque de l'Institut // T'oung Pao. 1930. No 2–3. Vol. XXVII. P. 119–178.), а как самостоятельную статью, о чем отдел доводит до сведения дирекции Института, прося о возможности поместить статью в ближайшем № "Советского востоковедения". Одновременно отдел предлагает т. Пучковскому дать статью о системе научного каталога монгольских рукописей, о чем автор должен отметить в конце данной статьи, и рецензию на каталог Ученого комитета МНР» ³⁸.

В результате и появилась статья «Некоторые вопросы научного описания монгольских рукописей» (1941) — критический обзор имевшихся на тот момент каталогов монгольской рукописной коллекции Азиатского Музея — Института востоковедения и некоторых других коллекций. Автор отмечает их достоинства и недостатки, на конкретных примерах показывает важность определения содержания текста при его описании и предлагает свою краткую схему описания монгольского сочинения, иллюстрируя ее двумя примерами.

В отчете отдела рукописей задание по Монгольскому фонду — «Составление краткого научного ка-

³⁴ СПбФ АРАН. Ф. 152. Оп. 1a. Ед. хр. 598. Л. 127–128.

³⁶ Там же. Ед. хр. 598. Л. 120–121.

³⁷ Там же. Ед. хр. 651. Л. 45; Ед. хр. 656. Л. 16, 16 об.

³⁸ Там же. Ед. хр. 656. Л. 16, 16 об.

талога Монгольского фонда. Инвентаризация, шифровка и написание карточек (по 2 на ед. хр.)» — было «закрыто» сданной в печать статьей.

В мае на заседании Монгольского кабинета Л. С. Пучковским был сделан третий доклад — «Материалы и исследования в области монгольской филологии». Это сообщение дало довольно неожиданный результат. Кабинет принял решение «просить дирекцию снять с т. Пучковского его прежнюю диссертационную тему, которая выполнялась им во внеплановом порядке, и утвердить за ним тему "Материалы и исследования в области монгольской филологии". Монгольский кабинет считает, что последняя тема является более актуальной и тесно связанной с производственной работой Пучковского» ³⁹. Таким образом, у Л. С. Пучковского появилась новая тема. Тогда же, в мае Н. Н. Поппе предложил Л. С. Пучковскому опубликовать подготовленные им документы («Текст и перевод писем Гомбоеву») со вступительной статьей П. П. Старициной в «Записках» Московского института востоковедения им. Н. Н. Нариманова.

Работа над научным каталогом продолжалась, по плану в 1940 г. должны были быть описаны 740 сочинений ⁴⁰. В конце года Л. С. Пучковский обращается к ученому секретарю Рукописного отдела с просьбой включить его диссертационную тему, которая получила одобрение Монгольского кабинета, отдела рукописей и заведующего сектором литературоведения и философии акад. И. Ю. Крачковского, в производственный план отдела, на что дирекция согласилась. Руководить написанием диссертации согласился Н. Н. Поппе ⁴¹.

Отчет Л. С. Пучковского за 1941 г. состоит из двух частей, которые разделены начавшейся войной и блокадой. В первой части он отчитывается о составлении более чем 300 описаний для краткого научного каталога и о работе над диссертацией, приводит краткий план работы: «Предварительные замечания — Отсутствие работ по вопросам истории монг[ольских] рукописей и ксилографов. Разрозненность и неполнота сведений о собраниях монг[ольских] рукописей и ксилографов. Необходимость разработки вопросов научного описания монг[ольских] рукописных материалов. Отдел І. "Общие сведения о монгольских рукописях и ксилографах". — Краткий очерк истории монг[ольской] рукописи. Сведения о материале и содержании главнейших рукописных монг[ольских] памятников. Обзор их изучения и описание по русской и иностранной — франц[узской], англ[ийской], немецк[ой] литературе и материалам Монг[ольского] фонда ИВ АН и Вост[очной] библ[иотеки] ЛГУ. Проработана вся литература и написан очерк.

Начата работа над подотделом "Материалы для изготовления и написания рукописей" (очерк истории бумаги и др. материалов).

Проработана русская и иностранная (франц[узская], англ[ийская], немецк[ая]) литература».

И далее отчет за II полугодие 1941 г.

«Работа по подготовке к эвакуации Рукоп[исного] отдела.

- 1) Переноска в хранилище в І этаже ⁴² всего Монг[ольского] Рукописн[ого] фонда и наиболее ценных ксилографов. Установка их там по размерам и шифрам.
 - 2) Та же работа по всему Рукоп[исному] отделу.
- 3) Упаковка ценнейших монгольских и других материалов в ящики.

17/IV 1942 г.

Мл. н. с. Рукоп. отдела ИВ АН Л. С. Пучковский» $^{43}.$

Отчет за 1941 г. датирован концом апреля 1942 г., т. е. временем, когда Л. С. Пучковский был помещен в больницу. Был ли отчет вызван необходимостью по службе или желанием человека, возможно, стоявшего на пороге смерти? Пережив первую, самую страшную, блокадную зиму, Л. С. Пучковский пишет отчет о своей работе с 1 января 1942 г. по день эвакуации из Ленинграда — 12 июля 1942 г. «Из $6^{1}/_{2}$ месяцев отчетного периода 2 месяца приходятся на болезнь (скорбут II и дистрофия II) с пребыванием в больнице им. Ленина с конца апреля по конец июня...

- I. Работа над кандидатской диссертацией на тему "Введение в изучение монгольских рукописей и ксилографов".
- 1) Произведен и написан подробный обзор русской и иностранной (монгольской, французской, немецкой и английской) литературы по научному описанию и вопросам каталогизации монгольских материалов. Работы Научно-исследовательского комитета Монг[ольской] Народной Республики, Б. Я. Владимирцова, L. Ligeti, J. Y. Schmidt'a, B. Laufer'a (на англ[ийском] яз[ыке]), Boethlingka'a и др. Всего в обзор вошло 19 работ (с 1843 по 1937 г. включительно).
- 2) Произведен подбор и проработка материалов для истории возникновения и очерк современного состояния главнейших собраний монгольских рукописей и ксилографов. Результаты проработки разнесены на карточки. Проработаны труды Dorn'a ("История языкознания в России"), "Ученая корреспонденция ак[адемии] наук в XVIII в.", Н. А. Веселовского и др.
- II. Производилось составление предварительной описи научных материалов покойного проф. А. В. Гребенщикова (маньчжуриста), принесенных в дар Институту востоковедения вдовой покойного.

Проработана и составлена опись 5 пакетов — около 60 работ.

³⁹ СПбФ АРАН. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 651. Л. 59.

 $^{^{40}}_{..}$ Там же. Ед. хр. 712. Л. 1.

⁴¹ Там же. Ед. хр. 712. Л. 42.

 $^{^{42}}$ К началу Великой Отечественной войны ИВ АН занимал пятый этаж здания библиотеки Академии наук по адресу: Биржевая линия ВО, д. 1 / Тифлисская ул., д. 1.

⁴³ СПбФ АРАН. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 755. Л. 11,

III. Осуществлялось руководство по сохранению материалов Тибетского фонда ИВ АН.

Давались указания и велось наблюдение (а также производилась переноска) за перенесением и укладкой в шкафы в хранилище рукописей (комн. 50) материалов из помещения Тибетского фонда (комн. 48), пострадавшего от артиллерийского обстрела).

28/VIII 1943 г.

Л. Пучковский» 44

В эвакуации, не имея возможности работать с рукописными материалами, ученый взял другую тему — «Монгольские документы эпистолярного характера». В 1942 г. вместе с другими сотрудниками Института ученый был эвакуирован из Ленинграда в Ташкент. Там он завершил работу над диссертацией и успешно защитил ее в 1945 г. Диссертация получила положительные отзывы официальных оппонентов проф. Г. Ф. Смыкалова и проф. А. А. Семенова. Отзыв последнего, достаточно пространный, состоящий из трех листов рукописного текста, хранится в СПбФ АРАН РАН. В нем отмечается: «Обширная работа Л. С. Пучковского (304 стр.) распадается на три отдела: "І. Структура монгольских документов эпистолярного характера XIII-XIV вв.", "II. Структура материалов служебной переписки монгольских должностных лиц и учреждений XIX в.", "III. Структура частных деловых писем конца XIX в., нескольких князей Внутренней и Внешней Монголии". ... Даже из этого перечня основных артикулов настоящей работы видно, какой она имеет большой диапазон и как полно охвачены ею разные вопросы, связанные с делопроизводством у монголов» ⁴

По возвращении в Ленинград Л. С. Пучковский с 1945 по 1948 г. работал ученым секретарем Монгольского сектора ИВ АН СССР, продолжая интересоваться изучением монгольских рукописей. Им был составлен сводный текст монгольской летописи XVII в. «Алтан Тобчи» со всеми вариантами и разночтениями по 8 спискам этого памятника объемом 20 п. л. К сожалению, он так и остался неизданным. Можно с большой долей вероятности предположить, что исследование Л. С. Пучковского было продолжением начатой в 1936 г. плановой работы сотрудников Монгольского кабинета ИВ по подготовке к изданию текста, перевода и комментария данной хроники. В этой работе принимали участие все сотрудники и аспиранты Монгольского кабинета — Н. Н. Поппе, Ц. Ж. Жамцарано, В. А. Казакевич, А. И. Востриков, Б. И. Панкратов, Г. Н. Румянцев, Э. Р. Рыгдылон и Мерген-гун Гомбоджаб 46. Однако в связи с последующими трагическими событиями работа не была завершена.

Одновременно исследователь продолжал работу по научному описанию рукописей Монгольского фонда, сосредоточив внимание на исторических сочинениях. Впоследствии результатом этой работы стала статья «Монгольская феодальная историография XIII—XVII вв.», изданная в 1953 г. в «Ученых записках Института востоковедения» ⁴⁷. Сочетая работу по описанию рукописей в Монгольском фонде с изучением истории монголов, он принял участие в написании раздела «Распространение буддизма и его роль в феодальной Монголии») ⁴⁸ для однотомника «История МНР». 16 мая 1947 г. Л. С. Пучковскому решением счетной комиссии, избранной Ученым советом ИВ АН СССР, было присуждено ученое звание старшего научного сотрудника. Однако, по замечанию самого Л. С. Пучковского в его «Автобиографии», находящейся в АВ ИВР РАН ⁴⁹, решение это было утверждено Президиумом АН СССР только 18 мая 1951 г.

С 1945 по 1950 г. Л. С. Пучковский работал старшим преподавателем кафедры монгольской филологии Восточного факультета ЛГУ, где читал различные общие и специальные курсы («Введение в монголоведение», «История русского и советского монголоведения» и др.), вел специальные семинары по старомонгольскому языку, а также по дешифровке рукописей древнего и среднего периода монгольской литературы, включая эпоху «квадратной» письменности. В 1950 г. он был представлен к утверждению в ученом звании доцента, однако был вынужден оставить преподавательскую деятельность и целиком сосредоточиться на работе в секторе восточных рукописей ИВ АН СССР, в составе которого работали востоковеды института, оставшиеся в Ленинграде после перевода ИВ АН в Москву.

В 1954 г. ученый опубликовал обширную статью «Собрание монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения Академии наук СССР» ⁵⁰, в которой привел историю формирования коллекции, представил подробный обзор и описание наиболее интересных произведений различной тематики с акцентом на исторические и правовые сочинения.

Итогом многолетней работы Л. С. Пучковского над рукописями Монгольского фонда ИВ АН СССР стала монография «Монгольские, бурят-монгольские и ойратские рукописи и ксилографы Института востоковедения. Вып. 1. История, право», оконченная им в 1955 г. и изданная двумя годами позднее ⁵¹.

 $^{^{44}}$ СПбФ АРАН. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 788. Л. 1, 1 об, 2.

⁴⁵ Там же. Оп. 3. Ед. хр. 493.

⁴⁶ Там же. Оп. 1а. Ед. хр. 472. Л. 17.

 $^{^{47}}$ Монгольская феодальная историография XIII—XVII вв. // Учен. зап. Ин-та востоковедения. 1953. Т. VI.

⁴⁸ Распространение буддизма и его роль в феодальной Монголии // История Монгольской Народной Республики. М., 1954.

⁴⁹ СПбФ АРАН. Ф. 152. Оп. 3. Ед. хр. 492.

⁵⁰ Пучковский Л. С. Собрание монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения Академии наук СССР // Учен. зап. Ин-та востоковедения АН СССР. М.; Л. 1954. Т. IX. С. 90–127.

⁵¹ Монгольские, бурят-монгольские и ойратские рукописи и ксилографы Института востоковедения. Вып. 1: История, право / отв. ред. Б. И. Панкратов, Д. И. Тихонов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. 280 с., ил.

Данная монография Л. С. Пучковского ценна помимо представленного в ней каталога и описания рукописей тем, что в ней автор дает обзор истории собирания и изучения монгольских письменных памятников, хранящихся в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР. Он указывает время начала собирания монгольских текстов — первая четверть XVIII в., когда в библиотеку Кунсткамеры поступили монгольские рукописи, обнаруженные в развалинах монастыря Аблай-хийда, находившегося на территории современного Казахстана на р. Иртыш (правда, нельзя исключать, что некоторые листы поступили также из Семи Палат: отдельные тексты привез в 1727 г. Д. Г. Мессершмидт). С момента создания в 1818 г. Азиатского Музея рукописи были перенесены в его фонды вместе с другими восточными материалами. Л. С. Пучковский ошибочно датирует время поступления коллекции КДА в Азиатский Музей тем же периодом, что и время передачи библиотеки Казанского университета в Санкт-Петербургский университет, т. е. 50-ми гг. XIX в. Последние находки в архивах дали возможность точно установить, что коллекция библиотеки КДА была передана в 1927 г.; при этом значительная часть коллекции КДА была сформирована во второй половине XIX в., на что не раз обращали внимание А. Г. Сазыкин и В. Л. Успенский. Коллекция же Казанского университета, основная часть которой в настоящее время хранится в Восточном отделе библиотеки СПбГУ, действительно была доставлена в Петербург в связи с открытием там факультета восточных языков (в 1854/55 уч. г.) в указанное Л. С. Пучковским время. Будучи прекрасным знатоком состава Монгольского фонда Института, он дает характеристику его жанрового состава, отмечая наличие летописей, памятников феодального права, сочинений по медицине, грамматике, произведений народной словесности, поступавших от путешественников, собирателей и исследователей в разное время. По справедливому замечанию автора, особым разнообразием отличалась коллекция А. М. Позднеева, в которой кроме буддийских сочинений имелось «несколько монгольских, бурят-монгольских и ойратских исторических трудов, официальные документы по разного рода судебным и административным вопросам, частные письма монгольских князей об уплате долгов, различные материалы по народному творчеству (записи песен, сказок, пословиц, поговорок и т. п.)» 52 . В коллекции К. Ф. Голстунского содержались сочинения по истории ойратов, монгольско-ойратские уложения и записи ойратского фольклора. Ценные фольклорные материалы имелись в созданной в 1903 г. Первой коллекции Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии. Во вторую коллекцию того же Комитета, сформированную годом позже, вошли па-

мятники истории бурят и монголов. Третью коллекцию, созданную в 1911 г., Л. С. Пучковский называет самой обширной и разнообразной по содержанию: «В ней имеются как большие летописи (один из списков труда Саган Сэцэна, история Юаньской династии и др.), так и небольшие исторические записки. Из них особенно следует отметить сочинение "Ганга-йин урусхал" — "Течение Ганга"» 53, записи произведений монгольско-ойратского героического эпоса, ойратские записи эпоса «Гэсэр», монгольские переводы китайских романов, фольклорные записи, сделанные в Западной Монголии, и тому подобные материалы 54. Ко времени написания данной работы было общее представление о составе Фонда, имелось лишь краткое описание всех его рукописей. Л. С. Пучковский в качестве источников своего описания указывает опубликованную в сборнике Азиатского Музея Российской академии наук статью Б. Я. Владимирцова «Монгольский фонд» о буддийских рукописях, поступивших из Казанской духовной академии 55 , и работу «Монгольские летописи XVII в.» Ц. Ж. Жамцарано об исторических сочинениях монголов и бурят 56. Л. С. Пучковский обратил особое внимание на летописи «Алтан тобчи» и труд Саган Сэцэна, представленные в собрании Института и известные в литературе по ряду изданий, которые, однако, к тому времени стали библиографической редкостью и малодоступны специалистам. Поэтому он писал: «Эти издания, удовлетворявшие научным требованиям своего времени, нуждаются в значительных исправлениях и дополнениях» ⁵⁷. Задача комплексного изучения летописи — перевода, комментариев, сопоставления основных списков с другими редакциями — была поставлена перед монголоведами Института, включена в план сотрудников Монгольского кабинета в 30-е гг., до Великой Отечественной войны.

В своей работе Л. С. Пучковский дал полное описание летописей с учетом новейших на тот момент данных монгольского источниковедения и филологии. Им впервые были описаны «Эрдэни-йин тобчи», «Минган хэгэсуту», «Эрдэни-йин эрихэ», сочинение гэлуна Ишибалдана, хранившееся в Фонде.

При описании рукописей автор руководствовался схемой, выработанной в 1952 г. сектором восточных рукописей для полного описания сочинений. Она предполагала указание полного названия сочинения с монгольским написанием и переводом на русский язык, написание имени автора на монгольском язы-

⁵² Монгольские, бурят-монгольские и ойратские рукописи и ксилографы Института востоковедения. С. 4.

⁵³ Там же. С. 4. ⁵⁴ Там же. С. 5.

 $^{^{55}}$ Владимирцов Б. Я. Монгольский фонд // Азиатский музей Российской академии наук. 1818–1918. Краткая памятка. СПб., 1920. С. 77-84.

⁶ Жамцарано Ц. Ж. Монгольские летописи XVII в. // Труды Института востоковедения АН СССР. XVI. М.; Л.,

^{1936. &}lt;sup>57</sup> Жамцарано Ц. Ж. Монгольские летописи XVII в. С. 5.

ке, краткую характеристику сочинения, в которой должно быть отмечено отличие данного списка от других и изложены его содержание и история рукописи — время и место переписки, имя переписчика и владельца, сведения о рукописи, имеющиеся в научной литературе, внешние данные.

Примечательно наблюдение Л. С. Пучковского о том, что «монгольские рукописи, имеющиеся в Ленинградском отделении Института востоковедения, в большинстве случаев не представляют особого интереса как памятники монгольской палеографии» ⁵⁸. Поэтому почерк рукописей и его особенности отмечались в книге только в отдельных случаях.

Автор благодарит сотрудников Института за замечания и советы, особенно выделяя Т. А. Бурдукову, с которой у него были давние профессиональные контакты: стоит лишь вспомнить, что Таисия Алексевна защищала свою кандидатскую диссертацию по теме «Хроника Шараб-Нимбо Хобитуева» на том же заседании Ученого совета и в тот же день, что и Л. С. Пучковский. Кстати, председательствовал на нем директор ИВ РАН академик В. В. Струве, секретарем Ученого совета был А. Н. Кононов. Произошло это 19 января 1945 г.

Работа Л. С. Пучковского может быть названа первым опытом полного научного описания монгольских, бурятских и ойратских памятников истории и права. Она содержит два основных раздела: «История» и «Право» и включает описание 272 единиц хранения. В первый раздел входят сочинения по истории монголов, бурят-монголов, ойратов — всего 27 наименований; во второй — монгольские сборники законов, монгольские документы административного характера, документы о внешних сношениях и пограничных делах, бурят-монгольское право — всего 16 наименований. Ценность работе добавляют иллюстрации, представляющие собой факсимильное воспроизведение наиболее интересных страниц рукописей. Среди них: фрагмент рукописи «Алтан Тобчи», в котором имеется упоминание об императоре Тянь-ци; строки рукописи «Гангаийн урусгал» с перечислением сыновей Угэдэя и Гуюка; лист рукописи историко-генеалогического сочинения «Минган-хэгэсугу» с названием племен, составляющих три восточных и три западных «тумена» монголов; выписка из монгольского перевода 1789 г. 1-го издания «Уложения Палаты внешних сношений»; грамота Петра I купцу Спиридону Лянгусову ⁵⁹ от 1676 г. и др.

Описание Л. С. Пучковского, несомненно, являлось самым совершенным научным исследованием подобного рода на то время, оно содержит большое количество сведений о представленных в нем сочинениях, впервые введенных в научный оборот, и до сих пор служит современным исследователям монгольских рукописей незаменимым источником при знакомстве с произведениями письменного наследия монгольских народов. А. Г. Сазыкин, продолживший дело Л. С. Пучковского по каталогизации монгольских рукописей и ксилографов, охарактеризовал эту работу как «обстоятельную и во многом образцовую» 60 .

Еще одной важной работой Л. С. Пучковского стало факсимильное издание текста монгольского письменного памятника «История Золотого рода владыки Чингиса, сочинение под названием "Течение Ганга"» 61 , автором которого, как полагает Л. С. Пучковский, был видный ученый XVIII в. Гомбоджаб, происходивший по прямой линии из золотого рода Чингис-хана. Автор летописи имел княжеский титул, был чрезвычайно образованным человеком, знавшим монгольский, тибетский, китайский, маньчжурский языки; в 1742–1749 гг. входил в группу переводчиков Данджура на монгольский язык, заведовал Тибетской школой в Пекине. Вторую половину своей жизни он посвятил научным занятиям. Исследовав имеющиеся сведения, касающиеся этого литературного памятника, Л. С. Пучковский определил время создания его как 1725 г.

Работа, состоящая из обширного введения, текста сочинения и указателя, носила новаторский характер. Л. С. Пучковский первым представил полный текст сочинения, которое не упоминалось в известных научному сообществу монгольских летописях XIII-XIX вв. Совершенно справедливо понимая, что изучение этого памятника, впервые введенного в научный оборот, только начинается, автор верно оценил большую значимость сочинения не только как исторического источника, но и как историко-культурного явления. В предисловии он писал, что «Гангайин урусгал» «представляет значительный интерес и как культурно-исторический памятник» ⁶². В предисловии Л. С. Пучковский рассуждает об идее преемственности происхождения монгольских ханов, которой отведено большое место в сочинении; касается традиции цветовых обозначений разных родов, деления их таким образом на «чужих» или «своих».

Эта работа получила высокую оценку Б. И. Панкратова. В своем отзыве он писал: «В связи с этим отмечаются различные влияния, сказавшиеся на памятнике, — влияние китайской историографии и тибетской буддийской литературы, а кроме того, влияние маньчжурских придворных кругов, к которым был близок автор сочинения. В предисловии уделено внимание попыткам автора критически отнестись к

⁵⁸ Жамцарано Ц. Ж. Монгольские летописи XVII в.

С. 7. 59 У Пучковского написано «Ливакосову». Дело в том, что старомонгольское написание допускало оба варианта прочтения.

 $^{^{60}}$ Сазыкин А. Г. Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения Академии наук СССР. Т. I / отв. ред. Д. Кара. М.: Наука. ГРВЛ, 1988. С. 8.

⁶¹ «Ганга-йин урусхал» («Течение Ганга»); монгольская летопись / издание текста, введ., указ. М.: ИВЛ, 1960 («Памятники литературы народов Востока». Т. X).

⁶² Гангайин урусгал. С. 12.

использованным им памятникам и к некоторым вопросам истории монголов» ⁶³.

Осенью 1961 г. (с конца октября до начала декабря) Л. С. Пучковский совершил научную командировку в Улан-Батор. В ходе поездки он среди прочего ознакомился со многими монгольскими летописями в библиотеке Академии наук МНР, не известными в собраниях Ленинграда. Эта поездка, а также выход в свет ряда важных исследований зарубежных ученых внесли коррективы в работу Л. С. Пучковского над его новой монографией «Монгольские летописи XIII—XIX вв.». Однако эта работа в итоге так и не была завершена.

Среди других направлений научной деятельности Л. С. Пучковского нельзя не отметить его изыскания в области истории монголоведения. Им, в частности, была опубликована большая статья об одном из первых русских монголистов А. В. Игумнове ⁶⁴.

В марте 1965 г. Л. С. Пучковский уволился из ЛО ИВ АН СССР в связи с выходом на пенсию. Скончался он 7 марта 1970 г. 65

Научная деятельность Леонида Сергеевича Пучковского на протяжении всей его жизни была тесно

связана с Институтом востоковедения АН СССР. В его научной биографии отразилась эпоха 30-х — начала 60-х гг. XX в. во всей ее сложности и противоречивости: были экономические трудности, идеологические ограничения, репрессии, эвакуация во время войны, трудные послевоенные годы восстановления книжного и рукописного фондов Института, переезд его в здание Ново-Михайловского дворца, работа в разных по составу коллективах. Но во все периоды жизни ученого отличали преданность науке, увлеченность предметом своего исследования, кропотливость, скрупулезность и целеустремленность. Л. С. Пучковскому было присуще главное качество российского ученого — беззаветное служение отечественной науке. Достижения видного монголоведа XX в. в настоящее время прирастают открытиями ученых новых поколений, работающих в области историографии, источниковедения, филологии, истории и культуры монгольских народов.

> Н. С. Яхонтова, И. В. Кульганек, А. В. Зорин, Д. А. Носов

Приложения

Из неизданного

Подготовлено к публикации Н. С. Яхонтовой, И. В. Кульганек (© Н. С. Яхонтова, И. В. Кульганек, 2019)

В качестве приложения к статье приводятся тексты трех архивных документов, которые позволяют более полно раскрыть отдельные моменты из биографии Л. С. Пучковского, показать его, к сожалению, не полностью реализованный научный потенциал, его научный уровень.

Хронологически первым является текст тезисов, подготовленный Л. С. Пучковским для сообщения «Материалы и исследования в области монгольской филологии», сделанного на заседании Монгольского кабинета 17 мая 1939 г. [СПбФ АРАН. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 651. Л. 61–66]. В ходе обсуждения, по единодушному мнению сотрудников кабинета, тема сделанного доклада могла стать темой диссертационного исследования Л. С. Пучковского. Было принято решение обратиться в дирекцию с просьбой сменить предыдущую тему диссертационного исследования на новую как более актуальную и близкую по тематике к работе по каталогизации Монгольского фонда, которую Л. С. Пучковский успешно вел уже несколько лет. Шесть листов машинописного текста конспективно раскрывают всю историю и жанровую классификацию известных памятников монгольской литературы (исторической, буддийской, художественной, переводной), а также эпоса и фольклора. Предполагаемое исследование по ширине охвата памятников и структурной четкости должно было далеко выйти за рамки основного и единственного на тот момент труда Б. Лауфера ⁶⁶. Вплоть до 1942 г. Л. С. Пучковский работал над этой темой, ее завершению помешала война, и его кандидатская диссертация была написана на другую тему.

Второй документ (12 машинописных страниц) — Отчет Л. С. Пучковского о поездке в Монгольскую Народную Республику осенью 1961 г., представленный им в «Комиссию по международным научным связям» Института [СПбФ АРАН. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 1453. Л. 28–38]. Основной целью поездки было знакомство с рукописным фондом библиотеки Монгольской академии наук, главным образом с текстами исторического содержания. Значительную часть Отчета составляет подробное перечисление тех исторических сочинений, с которыми у него была возможность ознакомиться, дать их краткое описание,

⁶³ АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 3. Ед. хр. 492.

⁶⁴ Александр Васильевич Игумнов (1761–1834) // Очерки по истории русского востоковедения. Сб. III. М.: ИВЛ, 1960

⁶⁵ ЦГА СПбФ. Р-7222. Оп. 30. Ед. хр. 2114.

 $^{^{66}}$ Лауфер Б. Очерки монгольской литературы / пер. В. А. Казакевича под ред. и с предисл. Б. Я. Владимирцова. Л., 1927.